

Утопический социализм. Опыт коммунарного и кооперативного движения

Народная самооборона

09 ЯНВ 2018

Оглавление

Фаланстеры	4
Коммуны	7
Кооперативы	15
Итоги	20

Сегодня среди анархистов, ввиду пренебрежения теорией и изучением исторического опыта становятся популярны идеи «утопического социализма» – экономической кооперации и создания коммун, как метода изменения мира. Исторически, «утопический социализм» предшествовал анархизму, и полагал возможность создания нового общества посредством просвещения и личного примера кооперации. Однако выявившаяся несостоятельность таких методов вынудила социалистов искать иные пути достижения утопии. Таким образом, в конфликте с утопическим социализмом возник анархизм, делающий ставку на организацию народных масс в борьбе против государства и капитала. Сегодня исторический опыт во многом утерян и игнорируется, что способствует сползанию анархизма обратно в утопический социализм, вытаскиванию на свет идей о коммунах и кооперативах. Анархизм со времён Кропоткина подчёркивал важность изучения конкретных фактов и практического опыта, дабы можно было вывести анархистскую теорию из фактов, а не умозрительных философских размышлений. Потому подготовили для вас большую статью, анализирующую опыт коммунарского и кооперативного движений, дабы каждый мог обладать достаточным массивом знаний о вопросе, и сделать выводы касательно эффективности коммун и экономической кооперации в деле изменения мира.

В начале 19 века социалистическая мысль была выражена в форме так называемого утопического социализма. Утопические социалисты уже ставили вопрос о способе перехода капиталистического общества к социалистическому. Они были не одиноки в этом вопросе, эта же проблема занимала авторитарных коммунистов – бабувистов и бланкистов. Эти два течения объединяло и осознание необходимости просвещения народа, без которого невозможны никакие социалистические отношения. Утвердилось и понимание того, что человеческий характер формируется окружающими условиями, в которых мыслит и действует человек. Значит, надо создать такие условия, которые благоприятно сказались бы на человеке. Однако между утопическими социалистами и авторитарными коммунистами серьёзно отличались и методы, и конечные цели. Бабувисты и бланкисты видели своей целью авторитарно-бюрократическое государство, в котором вся собственность и люди принадлежали бы государству, которое создало бы должные для человеческого развития условия. Установить этот режим следовало в результате заговора, восстания, организованного партией профессиональных революционеров. В будущем эти положения в слегка изменённом виде переключают в марксизм и большевизм.

Утопический социализм же предполагал совершенно иной вариант достижения справедливого общества. По мнению утопистов, надлежало здесь и сейчас организовываться в иные, некапиталистические формы производства, потребления и сосуществования, создавая всевозможные коммуны, потребительские и производственные кооперативы. Цель у таких объединений двояка. Во-первых, изменив условия существования для вовлечённых в них людей, коммуны и кооперативы изменят и сам характер этих людей, сделают их более подготовленными к социализму, и со временем перейдут на коммунистические или социалистические начала, научат людей жить по социалистически. С другой стороны, такие объединения должны будут являться средством пропаганды. Люди живут неправильно и несправедливо потому что не понимают, что можно жить иначе. Увидев успешный опыт коммун и коопе-

ративов, люди поймут, что можно жить по другому, и тоже начнут организовывать коммуны и кооперативы. Со временем такие общины будут объединяться в ассоциации и вытеснят капиталистические формы, подобно тому, как капиталистические формы вытеснили формы феодальные. При этом среди утопических социалистов не было полного согласия между собой, существовало множество различных течений, отличающихся как тактически, в методах, так и в области конечной цели. Мы можем выделить три основных течения в утопическом социализме, которые будут соответствовать различным направлениям социалистической мысли. Шарль Фурье, наиболее близкий либертарному социализму. Роберт Оуэн, положивший начало современному реформаторскому социализму. И Анри Сен-Симон, прямой предшественник Карла Маркса, сформировавший положения, развитые после марксистами.

Роль торговых посредников в возникновении неравенства и росте цен приводит социалистов к мысли о том, что необходимо не только обобществить средства производства – предприятия и землю, но и поставить под контроль общества обмен, рационализировать его и сократить издержки на перемещения продукции между различными производителями и между производителем и потребителем. Потому нужно создать такую систему экономической организации, в которой труд был бы свободен от посредников. Это производственные кооперативы, свободные от посредника-хозяина, в ходе которых рабочие самостоятельно организуют производство и распоряжаются прибылями, и кооперативы потребительские, свободные от торговых посредников, в которых потребители кооперируются и закупают необходимую продукцию по оптовым ценам. Также существуют иные виды кооперации, как кредитная, сельскохозяйственная и жилищная. Возникает и коммунарное движение, ставящее своей целью создание коммун и фаланстеров, в рамках которых объединялись бы различные виды кооперации. Коммуны и фаланстеры, по замыслу утопических социалистов, должны были составить ту альтернативную форму общественной организации, основанную не на частной собственности, но на широкой кооперации.

Фаланстеры

Наиболее ясно это высказал один из представителей утопического социализма, Шарль Фурье. Он заявил о необходимости создания такой формы организации общества, в котором посредничество было бы сведено к минимуму, социальный паразитизм всевозможных чиновников и посредников был бы устранён, а труд был бы организован правильно. Для этого необходимо создание фаланстеров, являющихся одновременно и формой общежития, и производительным кооперативом, и ассоциацией потребителей. Фаланстер – большое здание, в одном крыле которого располагаются мастерские, в другом – жилые помещения. В центре расположены общественные комнаты – столовые, библиотеки и тд. Все средства производства в фаланстерах являются общими, никто не вправе их присвоить. Производимые продукты же принадлежат не всему фаланстеру, но конкретному производителю. Сохраняется и неравенство состояний, пропорционально вкладу каждого в общий труд. Но это неравенство, основанное на личном труде, основные способы экономиче-

ского господства в фаланстерах ликвидированы. Не допускается частное владение средствами производства, которые должны принадлежать всем. Более того, житель фаланстера имеет право на долю от прибыли лишь до тех пор, пока участвует в работе фаланстера – он не может передавать её по наследству или получать, не участвуя в производстве. И устранён класс посредников, поскольку фаланстер должен в равной мере заниматься умственным, сельскохозяйственным и промышленным трудом, чтобы самостоятельно обеспечивать себя всем и не нуждаться в посредничестве торговцев. Идеал Фурье – свободная ассоциация людей в такие дома-коммуны, в которых каждый сможет заниматься приятным ему трудом, владеть результатами своего труда, но при этом пользоваться всеми преимуществами кооперации. Фурье был сторонником безгосударственного общества, то есть это уже вполне себе либертарный социалистический мыслитель. Но в политическом плане он был довольно наивен, полагая, что правители могут вдохновившись его идеями реорганизовать общество на новых справедливых началах. В то время, как капиталисты всюду создавали бюрократические государственные структуры, включая силовые, для защиты и удержания своей власти, многие утопические социалисты наивно полагали, что возможно силой просвещения убедить их отказаться от своих прибылей и власти.

Но тем более удивительно, что некоторые представители буржуазии и дворянства действительно оказались заинтересованы проектом фаланстеров. Эти люди представляли из себя скорее исключение, в целом для буржуазии и аристократии было более выгодно бороться за дальнейшую концентрацию власти и ресурсов в своих руках. Но в век торжества рационализма и расцвета социалистических идей отдельные капиталисты и аристократы вкладывались в создание фаланстеров.

Первые фаланстеры создавались восточноевропейской аристократией, находившейся под влиянием идей утопического социализма. Так, в 1835 году румынский дворянин Эманоил Бэлэчану освободил своих крепостных и организовал их в фаланстер «Сельскохозяйственное и мануфактурное товарищество», основанном на фурьеристских принципах. Какое-то время эксперимент успешно развивался, пока в 1837 году не был разогнан правительственными войсками, которым социалистические опыты были не нужны. Надежда на то, что можно простым примером более совершенного общества устыдить правящие классы и увлечь за собой низшие классы оказалась наивной. На деле правящие классы оказались готовы защищать свой мир с оружием в руках, и пресекать любые попытки социалистического строительства. Не менее плачевно кончилась попытка создания фаланстера российским дворянином Михаилом Петрашевским, хотя и по другой причине. В 1847 он также попытался организовать своих крепостных крестьян в фаланстер. Но те не оценили причуд господина, и фаланстер был ими подожжён. А Петрашевский через два года был арестован и сослан в Сибирь за организацию социалистического кружка.

Немногим лучше дела обстояли и в Соединенных Штатах, где фурьеристы пытались основать около сорока фаланстеров. Наиболее известный – фаланстер «Реюньон», основанный французскими колонистами в 1855 году. «Реюньон» просуществовал всего несколько лет и распался, в виду, прежде всего, внешних причин – неурожая, непривычного для французов климата и враждебности местного населения.

Наиболее успешным можно считать западноевропейский опыт, где фурьеристами было создано большое количество фаланстеров, просуществовавших до ста лет. В

отличии от восточноевропейского и североамериканского опыта, здесь фаланстеры создавались в крупных городах, что существенно облегчило их функционирование. На примере этих фаланстеров мы можем оценить эффективность идей и методов, предлагаемых Фурье. Наиболее образцовым можно считать Фамилистер, созданный в Гизе разбогатевшим рабочим Жаном-Батистом Годином. Годин сумел разбогатеть на производстве чугунных печей, и довольно быстро превратил свою мастерскую в большое промышленное производство на полторы тысячи рабочих. Будучи сам выходцем из народа, он помнил, в каких ужасных условиях приходится жить и работать рабочим, а потому Годин являлся тем редким типом капиталиста, который действительно был обеспокоен положением своих работников. Теоретические поиски привели его к учению Фурье с его идеями о фаланстерах.

В 1858 году Годин начинает строительство комплекса дворцов для рабочих – своего знаменитого Фамилистера. Главный «социальный дворец» предназначался непосредственно для проживания рабочих, но помимо него комплекс включал в себя множество других дворцов поменьше, имеющих хозяйственное или образовательное предназначение, а также фабрику и кооперативные магазины. Со временем рабочие Година даже становятся участниками в получении прибыли предприятия. И, наконец, Фамилистер переходит в руки рабочих. После смерти Година комплекс оказывается в руках рабочих, организованных на демократических началах. Предприятие не только не разоряется, но продолжает приносить гигантские прибыли, распределяемые между непосредственными производителями. Внутри Фамилистера управление осуществляется самими рабочими. Правда, вводится определенный «стаж», который необходимо проработать на предприятии. Есть случайные сезонные рабочие, нанимаемые на недолгий период времени, не обладающие возможностью участия в демократическом процессе. Затем, выше по иерархии, находятся члены, участники, и наконец партнёры. Чтобы стать партнёром, необходимо проработать на Фамилистере пять лет. На каждом «уровне» установлен определенный размер на участие в демократическом процессе и получении прибылей. И это, в общем-то, справедливо – распоряжаться жизнью сообщества должны все его постоянные жители, которые вложились в это сообщество, и которым в нём еще жить, а не случайные люди.

Посреди социального ада капитализма 19 века, ввергшего рабочих в нищету и тяжёлый плохо оплачиваемый труд, условия жизни в Фамилистере были поистине фантастическими. Хорошие квартиры, прекрасная среда обитания и инфраструктура, участие в прибылях, пенсия – всё это представляло собой влекущий пример, которому можно было бы следовать... Но разве у других рабочих, не входящих в Фамилистер, едва сводящих концы с концами, были деньги на строительство такого комплекса дворцов и собственного производства? Успешные фаланстеры создавались буржуазией и аристократией – теми, у кого были деньги. Однако таких капиталистов и аристократов, готовых отдать своё имущество на общественное благо, всегда было подавляющее меньшинство, единицы. Одним из них и был Годин, сам выходец из рабочих. Но другим рабочим так не повезло. По сути, метод фаланстеров предполагал необходимость убедить капиталистов отказаться от своих богатств, и передать их на строительство дворцов и фабрик для рабочих. Это могло сработать в немногих случаях в качестве исключения, но не могло стать правилом. Так, например, в ком-

муне Конде-сюр-Вестре создать фаланстер пытались еще в 1832 году. Фурьеристам удалось даже договориться с местными землевладельцами предоставить землю под фаланстер, в обмен на участие в прибылях и управлении. Но на деле удалось лишь заложить фундамент – колонистам не удалось заручиться поддержкой ни правительства, ни капиталистов, весьма враждебно настроенных к социалистическому эксперименту. Не имея средств для постройки фабрики и фаланстера, эксперимент провалился.

Фамилистер же закончил так, как и должен был закончить. После того, как все квартиры в нём были заняты, он превратился в закрытое сообщество. Право на проживание здесь передавалось по наследству. Даже для первоначальных рабочих, которых Годин привлек в Фамилистер, он являлся не каким-то примером будущего общества, но лишь способом улучшить свои бытовые и рабочие условия. Чего уж говорить об их наследниках? Никакой идейности и социализма здесь не было и быть не могло, рабочие превратились в акционеров. В 1968 году Фамилистер окончательно был преобразован в акционерное общество, после чего вошёл в состав крупной капиталистической компании. Комплекс дворцов же был распродан.

Фамилистер является наиболее успешным примером воплощения идей фаланстера в жизнь, и пришёл к своему закономерному результату – преобразование в акционерное общество и поглощение крупной компанией. Другие «успешные» фаланстеры, не распавшиеся в первые же годы после создания, закончили столь же плачевно. Характерна судьба «Колонии Конде-сюр-Вестре», где после нескольких попыток удалось всё-таки создать фаланстер. Он сумел дожить до наших дней и превратился, по сути, в коллективную большую дачу, охраняемую наёмными охранниками. Иногда туда для отдыха съезжаются 15 семей владельцев фаланстера. Из производственно-потребительского кооператива, построенного на началах демократической ассоциации, фаланстер превратился в дачу, кооперативный отдых. Пример нового мира он, конечно, показать уже не может.

Коммуны

Фаланстеры были вовсе не единственной попыткой организовать ячейки нового социалистического общества внутри капиталистического общества. Гораздо более широко применялась коммунарская форма организации. Коммуны должны были стать целыми поселениями, основанными на иных, некапиталистических формах производства, потребления и общежития. При кажущейся схожести коммун с фаланстерами, разница между ними всё же огромна. Фаланстер представляет из себя дворец или большое здание, либо же комплекс таких зданий, вмещающих в себе всю все общественные функции сообщества. Коммуны чаще представляют из себя целые поселения, гораздо более простые для воплощения в жизнь. Если фаланстер – дворец, то коммуна – деревня. Но это еще отличие скорее в форме. Фаланстеры обобществляют лишь средства производства, распределяя прибыль между жителями. Фаланстеры организуют рабочих как акционерное общество в рамках капиталистического общества. Такие общества неизбежно будут действовать в рамках рыночной логики, лишь смягчая её последствия, но не отменяя факта рыночной конкуренции,

борьбы и неравенства. В этих условиях рост неравенства и концентрация богатств в руках отдельных коллективов или отдельных личностей внутри коллективов будут происходить гораздо медленнее, чем при классическом капитализме. Однако это лишь замедляет, а не преодолевает процесс накопления богатств в одних руках, со всем из этого вытекающим.

Коммуны же зачастую могут быть гораздо более радикальны и последовательны. Они представляют из себя не просто форму общежития при обобществлённом предприятии в рамках рыночной экономики. Коммуны представляют скорее попытку создать альтернативное сообщество не внутри капиталистического мира, но вне его. Это целые поселения (хотя чаще – крайне небольшие), основанные на принципах обобществления имущества. Степень обобществления может отличаться в зависимости от радикализма коммуны. Это может быть просто обобществление средств производства, как в фаланстерах, а может быть и полный потребительский коммунизм, когда все ресурсы и блага коммуны распределяются между всеми жителями. При этом по своему устройству коммуны могут быть крайне разнообразны. Они могут быть устроены на демократических принципах самоуправления, а могут подчиняться авторитарному лидеру. Могут быть религиозными или светскими. Могут быть просто способом организации быта и хозяйствования группы людей, а могут восприниматься как инструмент пропаганды и создания нового мира. Утопические социалисты видели коммуны именно в этом ключе – как прообраз нового мира. Через коммуны коммунары и сами придут к социализму и коммунизму, и увлекут своим примером всех прочих, которые будут уходить из капиталистического мира, и создавать собственные коммуны. Потом множество таких коммун объединится в федерацию, и создаст полноценное альтернативное государственному капитализму сообщество.

В 19 и 20 веке в разных уголках мира было создано огромное количество таких коммун. Где-то они остались незамеченным феноменом, а где-то вовлекли большое количество участников и составили заметную часть местной экономики.

Если идейным создателем фаланстеров являлся Шарль Фурье, близкий по своим воззрениям либертарному социализму, то пионером коммунарного движения является первый реформаторский социалист Роберт Оуэн. Он прекрасно понимал причины и обстоятельства формирования человеческого характера. Человек таков, каковым его сделали окружающие условия – мысль, которая позже ляжет в основу социальной психологии Эриха Фромма, стала фундаментом и оуэновского учения. А если человека создают окружающие условия, значит нужно создать для людей благоприятную окружающую среду.

Первым социальным экспериментом Роберта Оуэна было создание в 1799 образцового предприятия в Нью-Ланарке. На руководимой им текстильной фабрике были установлены гуманные правила труда, введён десятичасовой рабочий день, увеличены зарплаты, построены хорошие жилища. Это было весьма необычно для времени зарождения промышленного капитализма, когда считалось, что наибольшую прибыль можно выжать из рабочих максимальной эксплуатацией. Эксперимент Оуэна показал обратное – создавая хорошие условия для рабочих, можно повысить производительность труда и получить большие прибыли.

Также в Нью-Ланарке при фабрике была создана школа для детей рабочих. В эпоху повальной эксплуатации детского труда, Оуэн не использовал труд детей до 10 лет. До этого возраста они обучались в школе. Там их учили не только знаниям, но и самостоятельному мышлению, добру и честности. И даже поступая в десять лет на фабрику, они продолжали обучение по вечерам, после рабочей смены. Кроме того, в школе читались лекции для взрослых работников и организовывались различные мероприятия для культурного досуга рабочих.

Фабрика превратилась в настоящий туристический объект – огромное число любителей желали взглянуть на чудо-фабрику, обеспечивающую достойные условия существования для своих рабочих, и всё-равно приносящую прибыль. Среди туристов был даже будущий император России Николай I, который был впечатлён успехами Оуэна, и предложил ему переселиться в Россию, забрав с собой два миллиона никому не нужных бедных британцев. Оуэн отказался.

Можно сказать, что Оуэн был пионером социал-демократии. В западном обществе подход Оуэна утвердился лишь в двадцатом столетии, в результате долгой рабочей борьбы. Это – реформаторский социализм, предполагающий не революционное изменение общества, а постепенные социальные реформы, улучшающие жизнь населения в рамках капиталистического общества, и передающий населению всё больше прав и богатств.

Другим фронтом борьбы Оуэна на реформаторском поприще было лоббирование фабричного законодательства и законов о всеобщем образовании и ограничении детского труда. Когда Англию охватил экономический кризис, Оуэн предложил правительству решить проблему нищеты посредством создания специальных кооперативных посёлков для бедняков. План был отвергнут. А с другой стороны, на Оуэна давят его партнёры по предприятию, недовольные социалистическими экспериментами. Это побуждает его покинуть фабрику и потратить все свои средства на проведение нового социального эксперимента. С этого момента и можно отсчитывать историю коммунарского движения.

Идеал Оуэна, изложенный им еще британскому правительству, предполагал создание социалистических коммун, в которые входили бы от 500 до 3000 человек. Основная идея была схожа с фаланстерами Фурье – производители должны объединиться в поселениях, внутри которых будет введена общность средств производства, а для каждой семьи будет выделено личное жильё. В 1825 году Оуэн решает на самостоятельное осуществление эксперимента в Америке. Выкупив городок в штате Индиана, Роберт Оуэн переименовывает его в коммуну «Новая Гармония», и призывает всех желающих присоединиться к эксперименту. Довольно быстро коммуна оказывается переполнена желающими, для которых не хватает свободного жилья. Усугубляется всё тем, что среди энтузиастов немного квалифицированных работников, но много интеллигентов и всевозможных авантюристов. Но, с другой стороны, «Новая Гармония» становится культовым местом для всевозможной интеллигенции. Сюда съезжаются учёные, художники и педагоги, здесь процветают науки и творчество, но сама община распадается из-за ссор и конфликтов.

В политическом отношении «Новую Гармонию» часто пытаются выставить как пример какого-то идеального демократического общества. Но на деле коммуна Оуэна была далека от идеала самоуправления. Управлялась коммуна правлением из

семи человек, троих из которых избирали жители «Новой Гармонии», а четверых назначал сам Роберт Оуэн. Жизнь жителей коммуны регламентировалась конституцией, которая предполагала каждому возрасту соответствующее место в работе и управлении. Все сферы деятельности же были разделены на шесть направлений, во главе каждой из которых был поставлен свой суперинтендант. Отдельное внимание уделяли образованию, чему способствовал опыт школы Оуэна в Нью-Ланарке, и большое количество прибывших в коммуну педагогов. В различных формах человек должен был продолжать обучение до двадцати лет.

Экономическая система «Новой Гармонии», которая должна была стать примером иного, социалистического мира, строилась на том, что жители предоставляют сообществу услуги в обмен на кредит в городском магазине. Впрочем, в магазине можно было покупать товары и без работы – за наличные деньги. Вскоре коммуна перешла к попытке преодолеть разделение труда, которое является основой любого неравенства в обществе. Все поочередно должны были выполнять любую работу. Был провозглашён курс на общность имущества. На практике система оказалась абсолютно неэффективной.

Довольно быстро коммуна погрузилась в бесконечные споры и конфликты по множеству причин – нехватка жилья, личные споры, недобросовестное исполнение трудовых обязанностей и тд. Вскоре от «Новой Гармонии» начали откалываться небольшие сообщества, создававшие собственные коммуны. А в 1829 году «Новая Гармония» окончательно распалась. Оуэн вернулся в Англию, потратив всё своё состояние. А эксперимент так негативно отразился на восприятии социалистических идей, что один из первых американских анархистов – Джошуа Уоррен, принимавший участие в коммуне, получил отвращение к социалистическим идеям. И американский анархизм всю первую половину 19 века носил скорее правый, индивидуалистический характер.

Впрочем, в США происходит настоящий бум коммунарских экспериментов. Одновременно с «Новой Гармонией» последователи Оуэна пытались создать еще ряд поселений, которые, впрочем, окончили столь же плачевно. Ни одно из сообществ не пережило 1830 год, распадаясь всего через несколько лет после создания. Не всегда, впрочем, причина распада заключалась во внутренних противоречиях – некоторые коммуны прекратили существование из-за экономических трудностей. Провал Оуэна несколько не сбавил пыл утопистов, которые пытались организовывать коммуны на самых разнообразных принципах, отыскивая ту верную форму общежития, которая позволит создать прообраз будущего общества. США с их бескрайними еще только осваиваемыми территориями давали большой простор для подобных экспериментов. Но все они неизменно оканчивались провалом. Так, например, созданная в 1841 году близ Бостона коммуна Брукфарм, также совмещавшая в себе сельскохозяйственный труд, ремесленные мастерские, науку и творчество. Рабочий день в Брукфарме длился десять часов, каждому участнику коммуны (преимущественно – интеллигенция) предоставлялись жильё, бесплатная медицина и образование, все необходимые для жизни блага. Впоследствии Брукфарм был преобразован в фалангу на принципах фурьеризма. А в 1846 году коммуна распалась.

Уже в следующем году в Техасе под руководством французского авторитарного коммуниста Этьена Кабе основана коммуна «икарийцев», названных по названию

произведения Кабе «Путешествие в Икарию». Изложенный в форме «фантастического путешествия», труд Кабе описывает государственно-коммунистический идеал – страну, в которой вся собственность обобществлена под руководством диктатора Икара. В течении пятидесяти лет Икар своей диктатурой подготавливает почву для коммунизма, преобразуя общество и граждан в соответствии с коммунистическим идеалом. Являясь по взглядам авторитарным коммунистом, Кабе пытался действовать методами утопистов – через создание коммун. Первую он и создал в 1847 году в Техасе, куда для этого переселились из Франции сотни рабочих – его последователей. Но реальность оказалась гораздо более сурова, чем описанная в книгах Кабе утопия. Трудности, с которыми столкнулись икарийцы, были схожи с трудностями иных коммун. Ни один человек не может владеть всеми ремёслами сразу, однако коммунары настойчиво требовали преодоления разделения труда. Хижины, возведённые в прерии французскими ремесленниками, не знакомыми с строительным мастерством, были ужасны. И столь же мало они понимали в земледелии, которое стало основным занятием для коммуны. Не говоря уже о непривычном для французов техасском климате. В итоге, пятеро из икарийцев погибли от истощения и болезней, а единственный их врач сошёл с ума. Икарийцы решили покинуть коммуну, и отправились через пустыню обратно в Новый Орлеан. По дороге, вполне ожидаемо, от истощения погибло еще четверо коммунаров. Наконец, в Новом Орлеане они повстречали вновь прибывших икарийцев во главе с самим Кабе, и все вместе отправились в гораздо более пригодный для житья штат Иллинойс.

Там икарийцам удалось обосноваться надолго. Коммуна икарийцев обладала различными мануфактурами, собственной газетой, школой, театром, и, в целом, процветала, привлекая к себе всё новых членов. Однако она была устроена по тому самому диктаторскому авторитарно-коммунистическому принципу. «Икария» подчинялась целиком Этьену Кабе. Это вызывало недовольство икарийцев. Кроме того, Кабе обвиняли в мошенничестве и краже денег, собранных на основание коммуны. Внутри коммуны разгорелась борьба против диктатуры, по итогу которой несколько сотен человек во главе с Кабе были изгнаны. Вскоре после изгнания Кабе умирает. Дальнейшая судьба икарийских общин различна. Одна из них, Чентельгемская колония, жила в нищете и ссорах до 1864 года, пока, наконец не распалась ввиду долгов перед кредиторами. Другая коммуна – «Икария» – также жила в нищете и долгах, но в 1870-ых ей удаётся выплатить кредиты и твёрдо встать на ноги. Казалось бы, теперь можно беспрепятственно осуществлять социалистический эксперимент, но внутри коммуны продолжается борьба между старыми икарийцами, придерживающимися авторитарно-коммунистических принципов, и молодыми коммунарами, отстаивающими демократическую организацию коммуны. Более того, в Икарии стали появляться частные сады и виноградники, всё более коммуна отступает от коммунистических принципов. Всё это приводит к постоянным расколам и созданию всё новых «Икарий». Последняя из них окончила существование в 1898 году.

Аналогичным образом заканчивают и иные коммуны в США, которые плодятся здесь в великом множестве. Наиболее устойчивыми оказываются не социалистические коммуны, но религиозные. Многие из них продолжают существовать в Канаде и в наши дни – например, общины духоборов.

Второй, после США, страной, где коммунальное движение получило особо широкое развитие, была Россия. В России 19 и начала 20 века коммуны приживались гораздо лучше, нежели в США. В США коммунальное движение состояло, преимущественно, из интеллигенции или иностранных рабочих, отправившихся в США специально ради цели создания коммун. Интеллигенты вполне могли выступать идеологами и теоретиками коммун, развивать науку и творчество – но что это, если нечего есть? Городские рабочие же, всю жизнь работавшие в мастерских и фабриках, вопреки теориям о преодолении разделения труда зачастую не слишком хорошо справлялись с строительством и сельским хозяйством. К тому же, городская жизнь накладывала на будущих коммунаров определенный индивидуализм и большие потребности. Коммунары мечтали о новом обществе на началах общности и справедливости, и с этой целью покидали кипящую жизнью города. А получали небольшие поселения с тяжким непривычным сельскохозяйственным трудом в глуши, где жизнь была гораздо менее привлекательной и богатой. Города концентрировали в себе все богатства, материальные и интеллектуальные, там происходили великие события, революции, развивалась наука, творчество и общественная жизнь в гораздо большей степени, чем это могло быть в изолированной коммуне. А в поселениях коммунаров десятилетиями ничего не менялось – только плохое жильё, тяжкий труд и одни и те же люди рядом. Постоянные ссоры, болезни от непривычного климата, споры о правильном устройстве коммуны и гнёт кредиторов – вот что такое жизнь в американской коммуне. Неудивительно, что большинство из них распались самостоятельно. Те же, что устояли и претендовали на то, чтобы явить собой «пример» обществу, не учли одну вещь – государство с его вооруженным аппаратом подавления. Аппарат этот был создан как раз для того, чтобы подавлять тех, кто попытается оспорить господствующий порядок. Кроме того, по мере развития капитализма в США и создания крупных компаний коммунары, и без того обременённые кредитами, становилась всё тяжелее конкурировать на рынке.

Совсем иное дело крестьянская Россия, где большинство населения и без того жили в условиях крестьянской общины. Здесь коммунальное движение с самого начала имеет религиозные корни. Еще в 18 веке возникает движение духоборов, отрицающее церковные обряды, военную службу, богатство и присягу. В своих поселениях духоборы устанавливали коммунистические порядки и пропагандируют отказ от неравенства и эксплуатации. За свои взгляды духоборы подверглись преследованиям властей и церкви, пока не нашли в конце 19 века убежище в Канаде, где и основали свои религиозно-коммунистические общины. Также в конце 19 века наиболее активно коммунальное движение развивается под влиянием великого русского писателя Льва Николаевича Толстого, сформировавшего собственную идеологию христианского анархизма. Толстовство встретило противодействие, в первую очередь, православной церкви, которая осудила его и отлучила самого Толстого от церкви. Толстовцы создавали земледельческие коммуны, в которых собственность была обобществлена и принадлежала всей общине. Труд в коммуне был обязателен для всех участников, и вознаграждался денежной оплатой, распределяемой между участниками коммуны в зависимости от труда каждого. Раз в год собиралось общее собрание коммунаров, которое принимало все важные решения и назначало на следующий год Совет Коммуны, состоящий из пяти участников. Коммуны отказыва-

лись подчиняться государственной власти – царской или советской – и пытались избежать лишних соприкосновений с государством. Настоящий расцвет коммун – толстовских и социалистических – происходит после революции 1917 года. Помимо независимых коммун, создаются и официозные городские коммуны, в которые объединялась бедная молодежь. Быт и финансы в таких коммунах обобществлялись полностью и определялись в соответствии с решением коллектива. Создавались и трудовые исправительные коммуны, состоящие из малолетних правонарушителей. В отличие от колоний, изолирующих осужденных и подчинённых администрации, в трудовых коммунах сохранялась свобода перемещения, а власть осуществлялась самоуправлением самих правонарушителей. Но и обеспечить своё существование трудовая коммуна должна собственным трудом. Самая известная из таких коммун – Болшевская трудовая коммуна. Начав с небольших кустарных мастерских, вскоре коммуна организовала несколько фабрик и целый учебный комбинат. В экономическом плане коммуна проявила себя довольно эффективно, добившись огромных прибылей. Но вскоре советский режим ужесточается и берёт курс на подавление коммун. Толстовские, трудовые и прочие коммуны запрещаются, их руководители репрессированы.

В конце 19 века получают распространение богемные коммуны, формально разделяющиеся анархистские или социалистические идеи, но уже более заинтересованные в разнообразных маргинальных практиках. Помимо общности имущества, для таких коммун становятся характерными нудизм, полигамия, вегетарианство и тд. Коммуны становятся прибежищем для всякого рода маргинальных, эпатажных личностей. Не справившись с задачей построения нового мира, коммуны превращаются в инструмент эскапизма, побега от окружающего мира, убежище для нездоровых индивидуалистических устремлений и развлечения для артистических личностей. Так, например, уже в 1930-ые годы «анархистские» коммуны в США описывались современниками-анархистами таким образом, что их жители могут отрицать одежду, технику, использование животного труда. Потому ходят голые, босые, питаются сырой пищей и копаются в земле при помощи самых примитивных приспособлений. Подобные коммуны уже тем более не могли увлечь за собой в светлое завтра широкие массы – разве что богемную публику. Для всех прочих они могли служить разве что источником удивления, потехи или отвращения. Если альтернатива капитализму – ходить голым и копать в земле вручную, то капитализм – далеко не самый плохой вариант, верно? Подобные коммуны были высмеяны в художественном фильме «В поисках священного Грааля» знаменитых британских комиков Монти Пайтон. Король Артур натывается в нём на «коммуну анархо-синдикалистов», копающихся руками в грязи и рассуждающих на высокие политические темы.

Наиболее известной такой коммуной может служить швейцарская «Монте Верита» («гора истины»), выкупленная в 1900 году сыном голландского магната (!) Генри Оеденковеном для организации здесь «социалистической колонии». Колония представляла из себя санаторий для увеселительных практик европейской богемы и левых деятелей. Идеи социализма со временем уступили вегетарианству, нудизму, полигамии и отрицанию «идеологических догм», превратившись в подобие коммуны хиппи. Таким образом, коммуны из попытки организации новой жизни стали превращаться в развлечения для скучающей богемы и детей богачей, где они

практиковали различные «революционные практики», которые выражались не в социальном или экономическом аспекте, но скорее в психологическом, в нарушении общественных норм внешнего мира, отрицании его культурных основ. Революция стала заключаться в хождении голышом, беспорядочных половых связях, отказе от достижений цивилизации и тому подобном. В таком виде коммуны и «революционная практика» во многом будут возрождены в западном мире во второй половине двадцатого века.

Единственным регионом, где коммуны получили широкое распространение и стали серьёзным фактором экономики, является Палестина. В начале двадцатого века из Европы прибывают молодые евреи, мечтающие о заселении «исторической родины». Как правило, они совмещали социалистические идеи с сионистскими, и первые поселения создавались в форме социалистических коммун. Такие еврейские коммуны называются кибуцами. Кибуцы устроены на основах общности имущества, самоуправления, обязанности трудиться, коммунистического распределения, индивидуальной свободы, отказа от наёмного труда, равных прав и обязанностей. Высший орган власти в кибуцах – регулярное всеобщее собрание, на котором и принимаются основные решения. Повседневная деятельность осуществляется многочисленными профильными комиссиями, в которых жители кибуца участвуют в свободное от работы время. Мы видим здесь по настоящему демократическую систему, на которую, впрочем, также совершаются покушения замены представительной властью. В экономическом плане внутри кибуца также царит полное равенство, в том числе в потреблении. Это не казарменная уравниловка, при которой всем выдаётся в равном количестве одно и то же, но распределение по потребностям. Что важно – даже квалифицированный труд вознаграждается наравне с черновым трудом – по потребностям. В отличие от утопических коммун 19 века, в кибуцах проблему разделения труда решают не попыткой заставить всех выполнять все работы сразу, но равным распределением за любую работу. Вся собственность в кибуцах, вплоть до получаемых на стороне доходов, является коллективной. Планирование потребностей и их удовлетворение осуществляется самим коллективом кибуца. Кибуцы являются не только крайне эффективными сельскохозяйственными коммунами, но занимаются и промышленным производством, а также развивают высокие технологии. Между собой различные кибуцы объединяются в различные союзы и федерации, который составляют единое движение кибуцев.

Таким образом, кибуцы гораздо более лучше справились с задачей организации «нового мира», нежели американские и европейские коммуны. В течении двадцатого века происходит бурный рост кибуцев. К восьмидесятым годам сотни кибуцев объединяли свыше ста тысяч участников. Кибуцы играют важную роль в экономике и обеспечении безопасности Израиля. Более того, именно в кибуцах был разработан специальный метод орошения, позволяющий эффективно заниматься земледелием в тяжёлых условиях пустыни. Казалось бы, вот он – идеальный пример нового мира, иных общественных отношений! Но почему-то пример кибуцев вовсе не подталкивает Израиль к реорганизации всей общественной жизни на началах прямой демократии и всеобщего коммунизма. Напротив, кибуцы сами интегрируются в государственную систему Израиля и международную капиталистическую экономику. Кибуцы принимают участие в мировой капиталистической экономике точно также,

как любой капиталистический производитель. Более того, даже в самих современных кибуцах давно позабыли о социалистических идеалах. Отмечается даже появление в кибуцах института частной собственности.

Таким образом, коммуны, подобно фаланстерам, потерпели поражение. Большинство коммун распадались в первые же годы своего существования. Некоторые смогли прожить значительно дольше – целые десятилетия. Но также пали ввиду экономических трудностей или внутренних конфликтов. Иные смогли достигнуть успеха, стать успешными крупными промышленными, научными и сельскохозяйственными предприятиями. Но были либо подавлены силой государственной машины, либо сами встроились в капиталистическую систему, вместо того, чтобы увлечь за собой людей в борьбе против неё.

Кооперативы

Прежде, чем переходить к причинам поражения движения коммун и фаланстеров, нужно сказать и о третьей форме кооперативного движения, наиболее успешной и удачной – о, собственно, самих кооперативах. Их развитие также связано с Робертом Оуэном, который являлся, пожалуй, наиболее энергичным и активным социалистическим практиком первой трети 19 века. После возвращения из Америки, где провалился его эксперимент с «Новой Гармонией», Оуэн пытается организовать рабочий класс еще в нескольких направлениях.

Социалистическая альтернатива Оуэна вне коммун для городских рабочих может быть сведена к трём основным структурам. Профсоюз, биржа труда и потребительский кооператив.

Профсоюз должен служить организованной силой рабочих, способной защитить наёмных работников от беспредела капиталистов, и в конце концов – послужить делу изменения общества на социалистических началах. С профсоюзом можно было не полагаться на милость капиталистов, но надавить на них и требовать человеческих условий труда и приемлемой зарплаты. Всё то, что Оуэн сделал для своих рабочих на фабрике в Нью-Ланарке, рабочие могли с помощью профсоюзов выбить для себя силой повсеместно. Он даже сумел организовать крупное объединение английских профсоюзов, включающее в себя полмиллиона человек, но быстро разошёлся во взглядах с профсоюзными лидерами, которые были далеки от идей Оуэна по переустройству мира. Впрочем, последователи Оуэна принимали активное участие в рабочем движении и в борьбе за трудовые и политические реформы. Биржа труда должна была послужить местом обмена трудовых билетов на товары. Трудовые билеты должны были выражать конкретное время, затраченное на производство продукта, и таким образом изменить всю систему обмена товаров в обществе. Теперь обмен должен был совершаться, исходя из затраченного на производство времени, что освобождало экономику от армии посредников, накручивающих цену на продукцию. Открытие биржи вызвало ажиотаж в обществе. Однако изменить экономическую систему не получилось – идея была откровенно слабой и утопичной, и спустя несколько месяцев биржу пришлось закрыть. Гораздо более удачной идеей оказалось кооперативное движение. Оуэнистам удалось создать и объединить в еди-

ную федерацию около трёхста кооперативов. Впрочем, они вскоре тоже распались, но в сороковых годах кооперативное движение вспыхнуло с новой силой и покорило западный мир.

Идея кооператива довольно проста. Виной всем бедам в капиталистическом обществе посредники-капиталисты. Они организуют все экономические процессы таким образом, чтобы в их руках оставалось как можно больше прибыли за счёт остального общества. Они организуют обмен, доставку товара от производителя к потребителю. А в результате товар проходит через армию посредников, каждый из которых повышает конечную стоимость товара. В конце концов, оплачивается даже не столько сама реальная стоимость, сколько услуги всех этих бесконечных посредников. Они организуют производство, но делают это таким образом, что вся производимая продукция остаётся у них в руках, непосредственные производители-рабочие же получают жалкие крохи. Они выдают кредиты в случае нужды – но в результате нуждающийся оказывается в ещё большей беде, оказываясь в кредитном рабстве и работая на выплату бесконечных процентов по кредиту. Что с этим можно сделать? Организоваться самим, без посредства капиталистов! Самим организовать производство, доставку товара, его продажу, объединиться в сообщества финансовой взаимопомощи и т. д. В зависимости от поставленной цели, различают большое количество различных кооперативов, но все их можно свести к производительно-потребительскому или кредитному. Кооператив – это такая форма экономической организации, в которой участники экономического процесса обходятся без посредника-капиталиста. А по замыслу утопических социалистов, кооперативное движение, расширяясь, должно было перестроить всю общественную экономику на кооперативных началах. И в отличие от коммун и фаланстеров, кооперативы действительно показали поразительные результаты.

Производственный кооператив представляет из себя такую организацию производства, когда предприятие находится в руках самих рабочих, которые осуществляют управление предприятием и участвуют в его прибылях. Первые производственные кооперативы были созданы в начале 1830-ых годов в Париже местными плотниками и ювелирами. В течении 19 века успехи производственной кооперации были весьма скромными, однако в конце столетия во Франции происходит бурный рост производственных кооперативов. Впрочем производственные кооперативы в своей деятельности натываются на ряд препятствий. Первое – это отсутствие у рабочих средств для организации собственного производства. Второе – нехватка квалифицированных специалистов, необходимых для управления предприятием. Некоторые кооперативы решали вопрос наймом специальных управленцев, которым платили огромные зарплаты – под стать прибылям, получаемым капиталистами. И, наконец, те производственные кооперативы, которые преодолевают эти два препятствия, натываются на третье – стремление рабочих образовать обычное акционерное общество, стать коллективным капиталистом, расширить производство, и нанять наёмных работников, которые уже не будут участвовать в управлении предприятием и распределении прибылей. А со временем и вовсе переложить весь трудовой процесс на плечи наёмных работников. Это вполне естественно в капиталистическом обществе, где главной целью является накопление и увеличение прибылей. Если рабочим удастся создать кооперативное успешное производство, которое приносит прибыль,

распределяемую между рабочими, то каков интерес рабочих? Вложить эту прибыль в развитие производства, дабы получать еще большие прибыли и освободиться от физического труда. А поверх того – ограничить вхождение в кооператив для рабочих со стороны и обеспечить передачу своей прибыли в кооперативе своим детям. То есть изменить саму форму успешного кооператива, предполагающего трудовое участие своих членов, на акционерное общество, предполагающее наёмный труд. Именно по такому пути пошло большинство успешных производственных кооперативов. И этот путь – единственный в условиях капиталистического рынка, при котором каждый игрок борется за рост прибыли и накопление всё больших богатств, для чего необходим постоянный рост предприятия. Предприятие, которое не растёт, погибает. Рост же производственных кооперативов практически всегда происходит не через присоединение новых участников, но через привлечение наёмной силы.

Таким образом, мы видим, что проблема не только и не столько в посредниках, но и в самой логике капиталистического общества. Даже если устранить посредников и обобществить средства производства, сохранив при этом неравенство доходов, внутри общества сохранится неравенство, социальное расслоение, возможность накопления и концентрации богатств. Наиболее богатый коллектив будет думать над тем, как бы стать еще богаче, сконцентрировать в своих руках всё большую долю общественных богатств и политической власти. Наиболее богатые участники коллективов будут думать о том, как бы подчинить себе и своим интересам экономическую организацию коллектива. Пока богатства могут быть использованы для захвата еще больших богатств – они будут использоваться для этого. Капиталистическое общество же, предлагающее большое количество наёмной силы и возможность частного владения средствами производства, предоставляет для этого идеальные условия. Потому производственные кооперативы, в случае своей эффективности и роста рано или поздно переходят в формат обычных капиталистических предприятий. Впрочем, производственные кооперативы в избытке существуют и сегодня, хотя они не получили столь широкого распространения и влияния как прочие виды кооперативов.

Другое дело – сельскохозяйственная кооперация, которая ныне главенствует в западном сельском хозяйстве. Этот тип кооперации является наиболее древним, к нему прибегали еще итальянские крестьяне времён позднего средневековья, которые кооперировались для переработки и сбыта молока и молочных продуктов. Такой тип кооперации быстро распространился по всей Италии, но со временем эти кооперативы также преобразовывались, подчиняясь наиболее крупному пайщику, создавая своего рода феодальные хозяйства. Лишь в 19 веке был принят закон, ограждающий кооперативы от такой опасности. Теперь все участники кооперативов были равны, получали равную прибыль и вносили равную долю при вступлении. В отличие от обычных производственных кооперативов, представляющих из себя единый коллектив, владеющий средством производства, сельскохозяйственные кооперативы представляют скорее координацию мелких собственников, владеющих землёй. У них может быть общая техника или перерабатывающее производство, но основа – индивидуальные хозяйства фермеров-участников. Из сельского хозяйства такая кооперация прорастает и в производство, в виде кооперативных заводов по переработке сельскохозяйственного сырья.

На сегодняшний день кооперация захватила сельскохозяйственный рынок западных стран. В европейских странах кооперативы включают в себя большую часть сельскохозяйственных производителей, поставляют на рынок значительную часть сельскохозяйственной продукции и контролируют до 50% пищевой промышленности. Во Франции и Германии в кооперативы входит до 80% сельских предприятий. В Нидерландах кооперативы поставляют до 75% шампиньонов, во Франции – 70% вина, в Дании – 98% пушнины, в США – 78% молока и 59% зерновых, 47% твёрдых сыров и 64% сливочного масла. Более того, сельскохозяйственная кооперация на западе является флагманом технологического развития сельского хозяйства, в которой заинтересованы свободные производители. Однако, несмотря на все успехи и практически захват сельскохозяйственного рынка, кооперация не сумела преобразовать капиталистическое общество на новых началах. Напротив, сельскохозяйственные кооперативы являются составной частью капиталистической экономики, и пользуются поддержкой государств. Да и сами участники кооперативов вовсе не заинтересованы в изменении системы – кооперативы для них вовсе не инструмент изменения общества, а способ экономической организации, обеспечивающей наибольшие прибыли и развитие их бизнеса.

Другим типом кооперации является кооперация потребительская, суть которой заключается в коллективной организации снабжения участников продукцией, минуя армию посредников. Смысл здесь в том, что чем больше человек скооперируются для потребления, тем больше различной продукции они смогут закупать по оптовым ценам, без накрутки со стороны посредников-торговцев. Тем больше, соответственно, будет выгода для потребителя. Подобные кооперативы в большом количестве создавались еще в первой трети 19 века, но они, как правило, довольно быстро распались. Настоящее победное шествие кооперации начинается со второй половины 19 века. В 1844 году последователями Роберта Оуэна в британском городе Рочдейл создан образцовый потребительский кооператив «справедливых пионеров». «Рочдейльские пионеры» выработали основные принципы кооперативного движения, которые заключались в добровольности объединения, равенстве всех участников, демократическом управлении, а также требования к ведению бизнеса – продажа только качественного товара по среднерыночным ценам. Прибыль должна распределяться между участниками кооператива не равномерно, но в соответствии с долей их покупок в кооперативном магазине. Таким образом, часть средств, затраченных участником кооператива на покупки в магазине, возвращается ему в виде прибыли. Часть прибыли должна откладываться на общественные нужды, такие как постройка школ или библиотек при кооперативе. Таким образом, кооперативы являются не просто способом экономической организации коллектива, но и демократическими элементами внутри общества, создающими свою собственную кооперативную инфраструктуру. С развитием кооперативного движения, различные кооперативы объединяются в единые федерации кооперативов, которые и будут составлять производственно-потребительскую основу будущего общества.

Это, конечно, идеальное, социалистическое видение потребительского кооператива. К концу 19 века кооперативы получили достаточно широкое распространение как форма экономической организации, выгодная для его участников. Социалистическое кооперативное движение, ставящее своей целью создание альтернатив-

ной экономической системы, сменяется “буржуазным” кооперативным движением, встроенным в капитализм. Федерации кооперативов становятся аналогами крупных торговых компаний. Впрочем, оставалось еще большое количество революционных, социалистических кооперативов, которые еще надеялись изменить общество, и спонсировали из своих прибылей рабочие и социалистические политические движения. Но со временем их становилось всё меньше, пока наконец они вовсе не сошли с арены. Вместе с тем, росло и значение кооперации в экономической жизни. К началу 20 века во всём мире насчитывали уже 14 тысяч потребительских кооператива, с миллиардными прибылями и объединяющими порядка восьми миллионов человек в Англии, два с половиной миллиона французов, миллион человек в Германии и тд. При кооперативах развилась богатая инфраструктура – школы, кафе, административные здания, мастерские, клубы, газеты, театры и тд. Уже к этому времени наблюдается процесс перерождения кооперативов. Многие из них преобразуются в акционерные общества, использующие наёмный труд и управляемые не всеми участниками, но лишь акционерами. Своего рода, это уже обычные торговые компании, вся разница с «классическими» капиталистическими предприятиями лишь в большем количестве владельцев. Прослеживается и процесс концентрации капиталов – прибыли кооперативов растут, но их число постоянно уменьшается. Просто всё большая прибыль и всё большая доля рынка оказываются подчинены отдельным кооперативам. Их конкуренты же разоряются или поглощаются более крупными кооперативами. Крупные кооперативы же, в свою очередь, сливаются в единые крупные торговые компании.

Этот процесс – рост и укрепление кооперативов, вкуче с их всё большим преобразованием в торговые компании – продолжается на протяжении всего 20 века. К 1970-ым годам вся кооперативная розничная торговля в разных странах сосредотачивается в руках нескольких крупнейших кооперативов. При этом кооперативы в семидесятые объединяют свыше 150 миллионов человек и контролируют в европейских странах в среднем от 10% до одной трети всей торговли. Кооперативы уже не просто являются крупными игроками на рынке, но подчиняют себе “классические” капиталистические предприятия, скупая их акции. В некоторых странах кооперативы вовсе являются крупнейшими компаниями. Например, в Швейцарии крупнейшие торговые сети – Migros и Coop – являются кооперативами. Нужно ли говорить, что потрясающий успех кооперативов не разрушил капиталистический мир, но интегрировался в него?

Третьим типом кооперативов являются кредитные кооперативы. Они возникли в 19 веке как форма взаимопомощи среди немецких крестьян, без которой было бы довольно тяжело выжить. На развитие своего хозяйства крестьянам требовались деньги, получить которые можно было только посредством кредита – у «кулака» или банка. Такие кредиты выдавались под высокие проценты и закабляли крестьянина, загоняя его в кредитное рабство. Отныне он работал не на себя, но на банк или «кулака». Спасение пришло со стороны кооперации. Крестьяне начали создавать общества взаимопомощи, в которых каждый мог взять займ из средств других крестьян. С миру по нитке, как говорится. Займ давался строго участникам сообщества исключительно на хозяйственные нужды, наблюдение и контроль за чем осуществляли другие участники сообщества. Вскоре эти кредитные кооперативы немецких кре-

стьян объединились в единый кооперативный союз, чтобы иметь большие средства и возможности... Так возник банк Райфайзен – один из крупнейших современных банков. О дальнейших преобразованиях касс взаимопомощи в обычный коммерческий банк говорить излишне – пример производственных и потребительских кооперативов должен дать ясное представление о том, как это происходит.

Имеется большое количество иных типов кооперативов, объединенных общей целью – например, жилищные. Но история и практика этих кооперативов не будут сильно отличаться от описанных выше.

Особый интерес вызывает опыт кооперации в России. Здесь кооперативы начали возникать в 19 веке – отчасти, по экономической необходимости среди крестьянства, отчасти под влиянием идей прогрессивной интеллигенции, в первую очередь романа Чернышевского «Что делать». Кооперативное движение в России развивалось стремительнее, чем где-либо еще. В 1917 году 50 тысяч кооперативов (преимущественно – потребительские и кредитные) объединяли 14 миллионов человек. Однако, вопреки планам утопических социалистов, революция в России была осуществлена вовсе не под их влиянием. Революция была возглавлена наиболее организованной политической силой, что разрешило исторический спор между кооперативным движением и политической организацией в пользу последней. В двадцатые годы деятельность кооперативов была серьезно ограничена государством, а в дальнейшем и вовсе подчинена ему. Возрождение кооперативов происходит лишь в перестройку, в конце восьмидесятых годов. Но здесь кооперативы выступают уже лишь как подставные лица, прикрытые для криминальных структур. После развала СССР кооперативное движение сходит на нет.

Тем не менее, кооперативное движение является, наверное, наиболее успешным детищем утопического социализма. На 2012 год в кооперативы входил миллиард человек – каждый седьмой житель Земли. Наиболее развиты кооперативы в западных странах. Так, например, в Швеции и Германии в кооперативах состоят около 20% населения.

Итоги

Наконец, можно подвести итог тому, насколько методы утопического социализма, коммунарское и кооперативное движение, оказались эффективны. При этом мы будем отдельно оценивать экономическую эффективность, и эффективность как инструмента по преобразованию мира.

Первым делом бросается в глаза полный провал коммун. За исключением кибуцев коммунарский опыт можно признать крайне отрицательным. Причины провала коммун были проанализированы ещё в 19 веке теоретиком анархизма Петром Кропоткиным.

«Первое условие успеха коммуны было бы — оставить мысль о фаланстере и жить в отдельных домиках, как это делают в Англии.

Затем, маленькая община не может долго просуществовать. Известно, что люди, вынужденные жить очень тесно, на пароходе или в тюрьме, и

обреченные на то, чтобы получать очень небольшое количество внешних впечатлений, начинают просто не выносить друг друга (вспомните собственный опыт или хотя бы Нансена с его товарищами). А в маленькой общине довольно двум человекам стать соперниками или во враждебные отношения, чтобы, при бедности внешних впечатлений, общине пришлось распаться. Удивительно еще, что иногда такие общины могли существовать довольно долго; тем более что все такие братства еще уединяются от других.

Поэтому, основывая общину в десять, двадцать или сто человек, так и следовало бы знать заранее, что больше трех или четырех лет она не проживет. Если бы она прожила долее, то пришлось бы даже пожалеть об этом, потому что это только доказывало бы, что ее члены или дали себя поработить одним из них, или совершенно обезличились.

Но так как можно заранее быть уверенным, что через три, четыре или пять лет часть членов общины пожелает отделиться, то следовало бы, по крайней мере, иметь десяток или два таких общин, объединенных союзным договором. В таком случае тот, кто по той или другой причине захочет оставить свою общину, сможет, по крайней мере, перейти в другую, а его место может занять кто-нибудь со стороны. Иначе коммуна расходится или же (как это бывает в большинстве случаев) попадает в руки одного из членов — наиболее хитрого и ловкого «брата». Эту мысль о необходимости союзного договора между коммунарами я настоятельно рекомендую тем, которые продолжают основывать коммунистические общины. Она родилась не из теории, а из опыта последних лет, особенно в Англии, где несколько общин попало в руки от дельных «братьев» именно из-за отсутствия более широкой организации.

Маленькие общины, основывавшиеся за последние тридцать-сорок лет, гибли еще по одной весьма важной причине. Они уединялись «от мира сего». Но борьба и жизнь, одушевленная борьбою, для человека деятельного гораздо нужнее, необходимее, чем сытный обед. Потребность жить с людьми, окунуться в бурный поток общественной жизни, принять участие в борьбе, жить жизнью других и страдать их страданиями особенно сильна в молодом поколении. Поэтому, как это отлично заметил мне Николай Чайковский, вынесший это из личного опыта, молодежь, как только она подходит к восемнадцати или двадцати годам, неизбежно покидает свою общину, не составляющую часть всего общества; и молодежь неизбежно будет покидать свои общины, если они не слились с остальным миром и не живут его жизнью. Между тем большинство коммун (за исключением двух, основанных нашими друзьями в Англии возле больших городов) до сих пор прежде всего считало нужным удалиться в пустыню.

В самом деле, вообразите себя в возрасте от 16 до 20 лет, в заключении в небольшой коммунистической общине где-нибудь в Техасе, Канаде или Бразилии. Книжки, газеты, журналы, гравюры говорят вам о больших краси-

вых городах, где интенсивная жизнь бьет ключом на улицах, в театрах, на митингах, как бурный поток. «Вот это — жизнь, — говорите вы, — а здесь смерть, хуже чем смерть — медленное отупение! — Несчастье? Голод? Ну что ж, я хочу испытать и несчастье, и голод; пусть только это будет борьба, а не нравственное и умственное отупение, которое хуже чем смерть!» И с этими словами вы уходите из коммуны. И вы — правы.»

Кропоткин верно указал на психологические причины поражения коммун. Но не менее важны экономические причины. Капиталистическая экономика носит глобальный характер, и для производства благ задействует возможности и ресурсы всего мира. В капиталистическом производственном процессе участвуют миллиарды людей и ресурсы всех континентов, миллионы производств со всего мира, которые вместе образуют единую производственную систему. Давно известно, что сто человек сообща могут произвести гораздо больше благ, нежели сто человек по отдельности. Если пять человек покинут этот коллектив из ста человек, и организуют своё производство – они будут менее эффективны, нежели 95 человек, объединенных в единый коллектив, и смогут произвести гораздо меньше богатств, удовлетворить гораздо меньше потребностей. Даже если среди пяти человек всё произведенное будет распределяться поровну, а между девяносто пятью неравномерно в пользу одного десятка – даже в это случае остальные 85 человек получают доступ к гораздо большему количеству производимых благ, нежели отделившиеся пять человек. В условиях глобальной экономики, когда речь идёт не о ста человек, но о миллиардах, эта разница еще ощутимее. Повседневно мы потребляем огромное количество товаров, производимых тысячами производств. Одна коммуна или даже федерация из десятков коммун не может организовать производство столь же большого количества продуктов. То есть возможно, что покинув мировую экономику и уйдя в коммуну ты будешь получать больше хлеба и овощей, чем жители капиталистических городов. Но вместе с тем ты вовсе лишишься доступа к огромному количеству благ капиталистической цивилизации. Потому закрытые, претендующие на самообеспечение коммуны неизбежно проиграют. Но это поражение не социализма капитализму, это ничего не говорит об эффективности или неэффективности капитализма или кооперации. Это поражение малых сообществ глобальным экономическим системам, это говорит о большей эффективности больших производств по сравнению с малыми, на каких бы началах не были организованы большие и малые производства. Потому очевидно, что коммуны не могут являться каким-либо способом борьбы с капитализмом. Будучи исключённой из глобальной экономики, она неизбежно будет демонстрировать более низкий уровень жизни, нежели капиталистическое общество, составляющее глобальную экономику.

Другое дело – если она включена в окружающую систему, действует в условиях рынка. Тогда она должна будет сама перейти на рыночные рельсы. Необходим будет крупный капитал или кредит для создания основных производств и инфраструктуры коммуны. Этот кредит нужно будет отрабатывать – то есть производить товары на внешний рынок. Коммуна в таких условиях будет работать не на обеспечение условий своего развития и удовлетворения потребностей своих участников, но на кредитора. Польза такого «вольного поселения» как примера общества, организо-

ванного на началах труда, свободного от капиталистов и посредников, равняется нулю. Даже в том случае, если для создания коммуны не пришлось брать кредит, коммуна не может сама произвести все необходимые для себя товары, или же необходимое для собственного производства сырьё, и она вынуждена закупать их на рынке. А для этого необходимо самим работать на сбыт, на внешний рынок. Необходимо участвовать в рынке и подчиняться его логике. Необходимо стремиться не к самообеспечению, но к зарабатыванию наибольшей прибыли для коммуны, дабы обеспечить её развитие и удовлетворение потребностей её участников. То есть производить ту продукцию, которая найдёт спрос на рынке, считаться с конкуренцией и условиями рынка, вступать в многочисленные сделки с капиталистическими компаниями, и потреблять произведенное на капиталистическом рынке наёмным трудом в условиях капиталистической организации экономики. Цена такого «свободного от капиталистических отношений» поселения, опять таки, равна нулю. Коммуны и фаланстеры могли являться примером того, что люди могут самостоятельно организовать свою жизнь и производство без всевозможных посредников. Но это всё – они не могли являть собой «прообраз нового мира», находясь в экономических рамках старого мира.

Особо ясно это показывает пример кооперации, пытающейся создать «альтернативную экономику» и изменить капитализм изнутри. Даже устранив посредников в лице торговца и владельца производства, кооперативы и коммуны оставались в капиталистической логике. Уровень потребления и благосостояния коммун, действующих в капиталистической экономике, состоит, прежде всего, от их прибылей. Это значит, что главной экономической задачей коммун и кооперативов, как и любых участников капиталистической экономики, будет являться получение прибыли и её увеличение. Это наиболее эффективно достигается через использование наёмного труда, максимальное сужение числа получателей прибыли, и участие в капиталистических предприятиях. К тому же, важна сама форма такого объединения. Она объединяет людей не по каким-то идейным, политическим соображениям, а по соображениям экономической выгоды. Это значит, что в успешных кооперативах и коммунах число социалистических идеалистов будет уменьшаться, большая же часть участников таких предприятий будут обычные люди, озабоченные соображениями своей выгоды. Пусть даже кооператив будет основан исключительно анархистами или социалистами, но при расширении он будет разбавляться аполитичными людьми. Экономические соображения выгоды будут выходить вперёд по сравнению с социалистическими революционными соображениями, пока последние совсем не вытеснятся. Даже сами вчерашние анархисты и социалисты в новой для себя рыночной реальности, будучи вынуждены адаптироваться под условия рынка, позабудут о своих политических идеалах. В лучшем случае, они сохранятся в качестве общих фраз или культуры, но не в качестве целей.

Кроме того, у участников кооперативов возникнет потребность передачи своей доли в прибыли наследникам. Потому кооператив неизбежно становится закрытым сообществом, участие в котором возможно только «для своих» или по наследству. При этом неизбежно переключивание всех тягот, с целью увеличения прибылей, на наёмных работников и неполноценных участников, без права участия в прибылях и управлении. Так кооператив, действующий в рамках капиталистического обще-

ства, в своём закономерном итоге развития преобразуется в акционерное общество, торговую компанию, банк и тд.

Насколько эффективны коммуны и кооперативы? Какие уроки можно извлечь из их опыта?

Мы видели, что они являются абсолютно непригодным инструментом для преобразования общества на новых социалистических началах. Тем не менее, кооперативы способны в значительной степени «гуманизировать» сам капитализм, поскольку, во первых, являют собой действительно пример для остальных граждан. Но пример не нового общества, а более высокого благосостояния, более гуманных условий труда и т. д., и побуждает на борьбу за достижение таких же условий. А во-вторых, кооперативы, хоть и являются точно таким же капиталистом, пускай и коллективным, уменьшают долю концентрации капиталов, увеличивают число собственников и даже сохраняют значительную долю богатств в руках общества. То есть там, где раньше всем владели единицы, теперь всем владеют тысячи, которые вынуждены делиться с миллионами. Это хорошие, позитивные результаты. Но это вовсе не то, что ставили перед собой утописты, это вовсе не слом капитализма. Изменения носят не качественный, но количественный характер. Негативные последствия капитализма не преодолены, но в значительной степени смягчены. Так что насколько пригодно кооперативное движение в качестве инструмента, нужно отвечать, смотря по конкретным целям. Если цель – коренное изменение общества, то кооперативы совершенно для этого не подходят. Если цель – сглаживание противоречий в капиталистическом обществе и его улучшение без коренных изменений – тогда кооперативы могут являться эффективным инструментом (пускай, далеко не единственным).

Кроме того, кооперативы показали способность общества организовать сложные производственно-потребительские системы без участия капиталистов и государства. То есть капитал и государство не являются чем-то, необходимым для нормального экономического функционирования общества. Рабочие могут самостоятельно организовать производство, потребители могут самостоятельно организоваться в крупных масштабах для создания сложной системы снабжения. Это то, о чём говорит кооперативный опыт. Несомненно, что если мы попытаемся представить себе иную экономическую организацию общества, основанную не на государственном регулировании и не институте частной собственности, но действующей в условиях реальной демократии, то основана она будет на началах, схожими с кооперацией. Но эти кооперативы будущего должны действовать в принципиально иной экономической системе, в которой накопление богатств в одних руках или даже руках одного коллектива и частное владение средствами производства стало бы принципиально невозможно. В противном случае кооперация сменится обычным капитализмом собственников.

Наконец, стоит заметить, что кооперация может быть полезна для революционного движения не в стратегических, но тактических целях, создавая инфраструктуру движения и обеспечивая его финансирование.

Таким образом, подводя итоги можно сказать, что коммуны не могут являться инструментом по преобразованию мира и позитивным примером. Кроме того, в большинстве своём они неэффективны ни в качестве модели общезжития, ни в

экономическом отношении. Исключения – кибуцы и религиозные коммуны, вдохновленные религиозной или националистической идеей.

Результаты кооперативов же гораздо менее однозначны. Они не являются инструментом по преобразованию мира, но являются замечательным примером эффективной самоорганизации и народной экономики. Они могут быть крайне эффективны в экономическом отношении, и полезны в создании социальной инфраструктуры. Кроме того, они в значительной степени сглаживают негативные последствия капитализма. Но они, как и немногие эффективные коммуны, интегрируются в капитализм, подчиняясь его правилам и преобразуясь на началах капиталистической организации.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Народная самооборона
Утопический социализм. Опыт коммунарного и кооперативного движения
09 Янв 2018

[https://naroborona.info/2018/01/09/
utopicheskij-sotsializm-opyt-kommunarnogo-i-kooperativnogo-dvizheniya/](https://naroborona.info/2018/01/09/utopicheskij-sotsializm-opyt-kommunarnogo-i-kooperativnogo-dvizheniya/)

ru.theanarchistlibrary.org